

• И В А Н •

ЛЮБЕНКО

ТЕЩЬ АЗРАИЛА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Клим Ардашев

Иван Любенко

Тень Азраила

«Автор»

2014

Любенко И. И.

Тень Азраила / И. И. Любенко — «Автор», 2014 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-76854-7

Июнь 1914 года. Накануне Первой мировой войны Климу Пантелеевичу Ардашеву вновь предстоит оставить тихую семейную жизнь в Ставрополе и отправиться – кто бы мог подумать – в Персию! Произошло ужасное преступление – убит второй секретарь российского посольства. Есть подозрения, что это дело рук исламских фанатиков. Ардашеву предстоит не только найти настоящего убийцу, но и выяснить, куда пропали полмиллиона рублей, выделенные на строительство православного храма в Тегеране.

ISBN 978-5-699-76854-7

© Любенко И. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

I	6
II	12
III	13
IV	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Иван Любенко

Тень Азраила

Человек скрыт за своими словами.
(Персидская пословица)

©Любенко И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

I

Беспощадное южное солнце постепенно скатывалось за линию гор, уступая место вечерней прохладе, смешанной с ароматом хамаданских роз. В шестой день месяца Шавваль¹ 1332 года Хиджры², в полутора фарсах³ от Тегерана, в местечке Зергенд, на увитой виноградом айване⁴ в плетеном кресле сидел господин лет сорока пяти. Он задумчиво вертел в руках коробочку монпансье с надписью «Георг Ландрин» и, казалось, полностью отрезился от окружающей действительности, забыв о кофе, дымящемся в крохотной фенджане⁵, и о стакане прохладного шербета на столе.

Светлые свободные брюки, белая сорочка с расстегнутым воротом и легкие гиве⁶ свидетельствовали о том, что он находится у себя дома. Правильные черты лица ничем особенным его не выделяли, если не считать полнейшего отсутствия усов и бороды, что было редкостью не только для персиян, но и для служащих русской летней дипломатической резиденции, расположенной неподалеку. Заметная седина посеребрила виски и принялась завоевывать густые, некогда совершенно черные волосы.

... Девять лет назад бывший начальник отделения Азиатского департамента МИД России, выполнив немало тайных поручений за рубежом, вынужден был подать в отставку. Причиной послужило сквозное ранение обеих ног, полученное «в подарок» от агента с Туманного Альбиона. Англичане не могли простить русскому коллеге перехват секретной телеграммы премьер-министра Соединенного Королевства своему посланнику на переговорах с Россией по разграничению сфер влияния в Персии.

Клим Пантелеевич Ардашев сумел тогда побороть не только хромоту, но и всего за год окончить факультет правоведения Петербургского университета, брошенный когда-то в угоду увлечению Востоком. И вскоре – чего греха таить! – не без помощи своего бывшего ведомства новоявленный юрист получил разрешение на занятие адвокатской практикой, минуя обязательный пятилетний срок помощника присяжного поверенного.

В столице он не остался, а решил начать новую жизнь в городе своего детства – в Ставрополе. Сто тысяч рублей, полученных в дополнение к Владимиру IV степени и золотому перстню с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», пришлось как нельзя более кстати. В том же 1907 году у семейной четы Ардашевых появился собственный особняк на Николаевском проспекте.

Тихая и размеренная жизнь провинциального сибарита продолжалась недолго. Первое же дело, связанное с удушением коммерсанта Жиха на скамейке городского бульвара, заставило Клима Пантелеевича прибегнуть к навыкам, полученным во время выполнения тайных миссий. Стоит признать, что слава присяжного поверенного, который защищал только тех, в чьей невиновности он абсолютно уверен, летела впереди него. К услугам ставропольского адвоката обращались даже известные столичные вельможи. Не стал исключением и Григорий Распутин. Именно тогда, два года назад, судьба столкнула Ардашева с его бывшим «благодетелем» из английской разведки. Да-да, с тем самым господином, который некогда прострелил

¹ Шестой день месяца Шавваль 1332 года Хиджры – 15 августа 1914 года по Юлианскому календарю (*прим. автора*).

² Во многих мусульманских странах, в том числе и в Персии до 1925 года, жили по лунному календарю. Год состоял из 12 месяцев и содержал около 354 дней. Началом дня считался заход солнца. Отсчет велся от Хиджры – даты переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину, что соответствовало шестнадцатому июля 622 года по Юлианскому календарю (*прим. авт.*).

³ Фарсах (*перс.*) – «переход», мера длины, приблизительно равная семи верстам (*прим. авт.*).

⁴ Айван (*перс.*) – веранда, терраса (*прим. авт.*).

⁵ Фенджана (*перс.*) – маленькая фарфоровая кофейная чашечка (*прим. авт.*).

⁶ Гиве (*перс.*) – легкая матерчатая персидская обувь (*прим. авт.*).

русскому агенту обе ноги. Правда, та теплая и безветренная ялтинская ночь 1912 года стала для неугомонного британца последней.

Было бы неверно утверждать, что Клима Пантелеевича все эти годы не просили вернуться обратно. Звали. И в МИД, и в недавно созданный «разведочный отдел» при Главном управлении Генерального штаба. Но адвокат каждый раз был непреклонен: «До тех пор пока моя страна ни с кем не воюет, позвольте, господа, мне вдоволь пожуировать жизнью. Да и сочинительство, знаете ли, отнимает много времени, – говорил он с легкой усмешкой, имея в виду несколько изданных романов и поставленных пьес. И добавлял, между прочим: – «К тому же сдаётся мне, что это мое удовольствие скоро закончится: на Балканах слишком беспокойно».

О том, что вот-вот разразится мировая катастрофа, присяжный поверенный понял еще 17 июня, когда прочел в «Русских ведомостях» подробности покушения в Сараево на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его морганатическую супругу герцогиню Гогенберг. Получив смертельные ранения в шею и живот, они вскоре скончались. Злоумышленника – девятнадцатилетнего студента Гаврило Приципа – задержали на месте преступления. Он оказался боснийским сербом. И теперь было вполне ясно, что анти-сербские настроения, подогреваемые уже несколько месяцев австро-венгерской прессой, могут легко перерасти в вооруженное противостояние. В довершение ко всему из Германии стали доноситься голоса о причастности к покушению официального Белграда.

Следующие три дня прошли под тягостным предчувствием грядущей беды. И уже 21 июня Ардашев, не вдаваясь в излишние объяснения с женой, купил билет до Санкт-Петербурга.

Северная столица встретила провинциального адвоката летним проливным дождем. В Министерстве Иностранных дел царил будничная суета. Секретарь начальника отдела Ближнего Востока МИДа почти без задержки провел посетителя в кабинет своего патрона.

Князь Мирский – статный мужчина с мушкетерскими усами и жокейской бородкой – поднялся из-за стола и, шагнув навстречу, вымолвил:

– Все-таки не выдержали, приехали. Стало быть, мы можем вернуться к моему давешнему предложению?

– Да, Иннокентий Всеволодович, вероятно, на этот раз войны избежать не удастся. Вот я и подумал, что не стоит терять время. Когда заговорят пушки, оказаться за кордоном будет намного сложнее.

– С вами приятно иметь дело. – Он указал рукой на кожаное кресло. – Присаживайтесь, разговор у нас будет долгим. Вам чай или кофе?

– Кофе, пожалуй.

Князь нажал на кнопку электрического звонка, и в дверях показался все тот же секретарь. Отдав распоряжение, он вынул из лежащего на столе портсигара папиросу, закурил и сказал:

– Боюсь, дорогой мой, вы правы: кровавая заваруха может разразиться в любой день. – Разгладив усы, он спросил: – А как насчет миссии в «Государство Ариев»?

– Опять в Персию? – Ардашев поднял голову.

– Да-да! В страну, которая старше самой истории!

– Боюсь, что за последние десять лет мой персидский несколько ослаб.

– Это нестрашно. Вы отправитесь туда как статский советник Ардашев – чиновник МИДа по особым поручениям.

– Статский советник? – присяжный поверенный удивленно вскинул брови.

– Ну не век же вам в коллежских ходить! Придется вновь поступить к нам на службу.

– Хорошо, допустим. Но ведь меня, простите за нескромность, неплохо знают во многих столицах.

– О вашем тайном заграничном прошлом помнят только в Европе. Англичане и французы – теперь наши союзники. А широкому кругу лиц вы известны как адвокат Ардашев,

удачно расследовавший не один десяток запутанных дел. Именно в качестве неофициального МИДовского сыщика вы туда и отправитесь. – Князь замолчал, ожидая, пока секретарь поставит крохотные чашечки и покинет кабинет. Сделав несколько глотков горячего кофе, он продолжил: – А в Персии вам предстоит разобраться в убийстве второго секретаря посольства коллежского советника Раппа. Это случилось третьего дня, и я, как только получил об этом известие, сразу вспомнил о вас. Судя по всему, мои мысли прочел и Господь. – Мирский развел руками. – Иначе как объяснить тот факт, что вы здесь? И так, в адлие⁷ завели уголовное дело, но ждать, что они отыщут преступника, бессмысленно. Он, словно Азраил, выпорхнул через окно. – Мирский приблизился к столу, вынул из портсигара новую папиросу, чиркнул карманной зажигательницей и, пустив струйку дыма, пояснил: – Дело в том, что Генрих Августович выполнял мои секретные поручения.

– Я вижу, МИД расширил тайную работу за границей. В мою бытность это было не так явно, – заметил Клим Пантелеевич.

– Жизнь диктует новые условия. Мир изменился. Но как раньше, так и прежде сильная Россия никому не нужна. Имею честь сообщить вам, что скоро тайная деятельность МИДа обретет официальный статус. Вероятно, уже в этом году при министерстве будет создан так называемый Осведомительный отдел, а по сути – политическая разведка. В руководители одного пророчат вашего покорного слугу. И я был бы очень вам признателен, если бы вы после завершения командировки согласились стать моим помощником, сиречь товарищем. Сегодня профессионалисты вашего уровня нужны как никогда. Нам предстоит создать новую сеть секретных агентов в разных странах. Обещают сказочное финансирование. Что думаете?

– Предложение заманчивое и, если война продлится достаточно долго, вполне приемлемое. А наша военная разведка? Насколько я знаю, при округах созданы отделы, собирающие сведения о вероятных противниках. Выходит, мы будем дублировать друг друга? – сделав несколько глотков кофе, осведомился Клим Пантелеевич.

– Вот именно, «собирают»... Или, я бы сказал, коллекционируют. В первую очередь их интересует информация военного характера, а уж потом политического. К сожалению, нам неизвестно, кто именно из квартирмейстерской службы Генштаба – военной разведки – является первой скрипкой в Тегеране. Возможно, это выяснится, когда вы приметесь за расследование. А вообще-то, уже второй год господа из ведомства полковника Ладыженского не только откровенно вмешиваются в нашу работу, но и пытаются переманить к себе лучших сотрудников министерства. И делают это вполне открыто. – Князь с хитрым прищуром воззрился на присяжного поверенного. – Кстати, слышал я, что после ялтинского покушения на Распутина они и к вам обращались с подобным предложением, не так ли?

– А вы хорошо осведомлены, – улыбнулся Ардашев. – Но была и вторая попытка: в прошлом году, когда я расследовал дело о пропаже византийских манускриптов, мне вновь напомнили о разговоре годичной давности. Но я ответил отказом.

– Вот и правильно. Но давайте вернемся к основной вашей задаче... И так, господин Рапп отправился на встречу с человеком, который анонимно вышел на него и предложил свои услуги (назовем его «агент», но кто он, нам, к сожалению, до сих пор неизвестно). Покидая дом, как было условлено, Генрих Августович снял висевший над дверью оберег в виде небольшого круга из бирюзы. По возвращении дипломат должен был водрузить его на место. Однако он так и остался лежать на подоконнике. Утром следующего дня Рапп обнаружил драгоман⁸. Он разглядел труп через открытое окно, поскольку дверь была замкнута. Переводчик и сообщил в посольство. Когда полиция проникла в дом, то там обнаружили тело с перерезанным горлом и пропажу полумиллиона рублей золотом и ценными бумагами. Деньги хранились в сейфе уби-

⁷ Адлие (перс.) – суд (прим. авт.).

⁸ Драгоман – переводчик, окончивший курсы при МИДе и работающий в посольстве или консульстве (прим. авт.).

енного. – Заметив на лице Ардашева недоумение, князь пояснил: – Покойный собирал пожертвования от разных лиц для постройки в Тегеране, на территории русской колонии, православного храма. Взносы были очень небольшие, и дальше разговоров дело не шло. Тем не менее эта благородная миссия позволяла второму секретарю путешествовать по всей Персии. Примерно за два дня до случившегося один из хозяев Лионозовских рыбных промыслов в Энзели – купец Терентий Веретенников, прослышав о планируемом воздвижении церкви в столице Персии, привез Генриху Августовичу полмиллиона рублей. И тот в сопровождении переводчика собрался в понедельник утром отнести их в «Русский ссудный банк». Говорят, накануне он даже вализу⁹ домой прихватил.

– Такие злодеяния расследуются по горячим следам, а по прошествии стольких дней... подобраться к преступнику будет непросто.

Мирский поднялся и нервно заходил по комнате.

– Непросто? А отыскать душегуба, убившего своего напарника чуть ли не сто лет назад, было просто? Думаете, я не слышал о раскрытии вами дела, связанного с пропажей золотых монет из обоза, отправленного еще статским советником Грибоедовым?

– Тогда мне просто повезло.

– Ах, Клим Пантелеевич! Везет только тем, кто умен и трудолюбив. Знаете, мой дед говорил: «Делай сегодня то, что не хочется делать другим, и завтра ты будешь первым среди остальных». И потому я не сомневаюсь, что вы, как умный и проницательный человек, сумеете докопаться до истины.

Князь подошел к окну, отодвинул занавеску, будто пытаясь что-то рассмотреть. Потом резко повернулся и спросил:

– Скажите, Клим Пантелеевич, насколько вы располагаете сведениями о внутренней обстановке в Персии?

– Да так, – Ардашев неуверенно пожал плечами, – кое-что мне известно из газет, а что-то почерпнул из других источников. Например, от жены. – Поймав удивленный взгляд князя, адвокат пояснил: – Среди офицеров казачьих частей, находящихся там, немало выпускников нашего юнкерского училища. Некоторые из них оставили семьи в Ставрополе. А моя супруга дружит с женой одного из них. По ее словам, казакам приходится несладко.

– Это действительно так. – Мирский, сделав глубокую затяжку, потушил папиросу в хрустальной пепельнице и проговорил: – И все-таки я позволю себе напомнить вам некоторые детали. У нас чуть ли не в каждом городе северного Ирана по вице-консулу. Несмотря на это, немцы, австрийцы и турки перехватили инициативу. Их инструктора натаскивают жандармов, превращая погрязших во взятках местных стражей порядка в боеспособные воинские формирования, которые призваны противостоять Казачьей Его Величества Шаха бригаде. Она, как вы, вероятно, знаете, была набрана из местных жителей еще в 1882 году и обучена на манер нашего казачьего войска. Командуют ею русские офицеры. Турецкие эмиссары настраивают религиозных фанатиков против христиан, призывают к джихаду и раздают курдам многозарядные шведские карабины, гранаты и пулеметы. Дошло до того, что муджахиды¹⁰ повадились нападать не только на одиночных казаков, но даже и на разъезды; обстреливают патрули и жестоко пытаются пленных. В Реште орудуют шайки тальшей Керим-хана и Сеид-Ашрефа. Шахсевены¹¹ грабят всех подряд и доходят даже до Мианэ. Главари армянских революционеров-националистов из «Дашнакцутюн»¹² спелись с младотурками¹³ и вместе с муллой Азизом

⁹ Вализа – прорезиненная брезентовая сумка для транспортировки дипломатической почты (прим. авт.).

¹⁰ Муджахид (араб.) – участник джихада, «боец за веру» (прим. авт.).

¹¹ Шахсевены – одно из тюркских кочевых племен, населяющих север Персии (прим. авт.).

¹² Дашнакцутюн – («Армянское революционное содружество») Армянская партия социал-революционеров на Кавказе. Действовала и на севере Ирана (прим. авт.).

¹³ Младотурки – политическое движение в Османской империи, возникшее в последней четверти XIX века, которое ста-

спровоцировали антирусские выступления в Казвине. Председатель правительства считает, что наше министерство несколько запаздывает с принятием решений. И в этом господин Горемыкин, несомненно, прав. Тысяча казаков, находящихся сейчас в Персии, не может полностью обезопасить Россию от удара в спину и возникновения опасного антироссийского плацдарма в Закавказье. В ближайшее время ожидается коронация молодого Ахмед-шаха, потомка Каджаров. Велиагд¹⁴ еще молод и поддается влиянию. Но, как бы там ни было, во время грядущей войны Персия должна выступить на стороне «Стран Согласия»¹⁵ либо в крайнем случае придерживаться нейтралитета. К сожалению, сегодня депутаты меджлиса¹⁶ и великий визирь целиком на стороне турок и немцев. Теперь о британцах. Они хоть и союзники, но иногда действуют довольно странно. Отчасти это объясняется желанием доминировать на территории, которая по договору 1907 года объявлена нейтральной. – Мирский улыбнулся и добавил: – Для России такое выгодное соглашение было бы невозможно, если бы не перехваченная телеграмма... Ваша самоотверженность тогда поразила всех.

– Да чего уж там, – отмахнулся Ардашев, – дело давнее. – А как ведут себя американцы?

– Вашингтон занял выжидательную позицию. Их консул пытается угождать всем подряд. И даже нашим потенциальным врагам. А вообще-то, дорогой Клим Пантелеевич, вы лучше других знаете, что Тегеран – это большой шпионский базар. Там все покупается и все продается. Словам и обещаниям – грош цена. Как вы понимаете, любая оплошность может стоить жизни. Довольно одного обоснованного подозрения немецкого или австрийского агента, и тут же какой-нибудь полунищий мазандеранец, дженелиец или шекак¹⁷, получив десять жалких туманов¹⁸, снимет со стены старый Пибоди¹⁹ и заляжет на крыше соседней с вашим домом сакли. Так что будьте осторожны.

– К сказанному, Иннокентий Всеволодович, вы забыли добавить фаланг, скорпионов и каракуртов, а равным образом и малярию – этот своеобразный налог на пребывание в Персии. Его оплачивают все ференги²⁰. Да минует меня чаша сия! Инша-алла!²¹

– Ох, Клим Пантелеевич, дорогой мой! Поверьте, я не стужаю краски, я хочу, чтобы все закончилось благополучно. Не стоит рисковать без надобности. Вы, как я понимаю, собираетесь выехать вместе с женой?

Ардашев помолчал немного и, тяжело вздохнув, изрек:

– Нет. Я не хочу рисковать. И хоть необоснованные прогнозы в нашей профессии – дело последнее, однако надеюсь, что долго там не задержусь. Да и ваше предложение о работе в составе осведомительного отдела, признаюсь, меня заинтриговало. Представляю, с какой радостью супруга вновь вернется в столицу.

– Вот и славно! Я думаю, вам придется еще пару деньков задержаться здесь по бюрократической, так сказать, надобности. Оформление в штат, новый чин, ну и после этого извольте получить на путевые расходы подъемные и на лишь «известное Его Императорскому Величе-

вило задачу проведения либеральных реформ и установление конституции (прим. авт.).

¹⁴ Велиагд (перс.) – наследник престола.

¹⁵ «Страны Согласия» или Антанта (от фр. entente – *согласие*) – военно-политический блок Англии, Франции и России (прим. авт.).

¹⁶ Меджлис («Национальный Совет») – парламент Персии (прим. авт.).

¹⁷ Мазандеранцы, дженгелийцы, шекаки – племена, населяющие Персию (прим. авт.).

¹⁸ Туман – персидская монета, равная по тогдашнему курсу двум российским рублям. Вообще, 1 туман = 1000 динарам; кран = 37¹/₂ коп. золотом, но фактически меняли на 20 копеек (прим. авт.).

¹⁹ Винтовка Пибоди – длинное однозарядное американское ружье, стреляющее пулей крупного калибра (11 мм), которую за большой размер прозвали «воробьем». Заряжалось с казенной части. Появилось в начале 1860-х годов, применялось турками во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и долго сохраняло популярность на Ближнем Востоке (прим. авт.).

²⁰ Ференги (перс.) – иностранец (прим. авт.).

²¹ Иншаалла (араб.) – «Если будет угодно Аллаху» (прим. авт.).

ству употребление»²². Жадничать не будем. В Тегеране снимете себе приличный дом, наймете прислугу... А чтобы избежать кривотолков и сплетен, я отпишу посланнику депешу, которую вы самолично и передадите. Полномочия у вас будут самые широкие. Я уверен, начальство даст добро. Позвольте узнать: а как вы собираетесь добираться в Тегеран?

– Морем, через Баку.

– Да, это самый безопасный путь. И Каспий летом спокоен. Через сутки вы уже в Энзели. Был бы вам очень признателен, если бы вы... – Мирский подошел к столу и принялся листать перекидной календарь, – скажем, пятого-шестого июля предстали бы перед ясными глазами Ивана Яковлевича Хворостовца, нашего посла. Простите великодушно, но больше времени дать не могу – уж очень тревожно сейчас. Как? Успеете? – произнес он, окинув коллегу вопрошительным взглядом.

– Хорошо, постараюсь. Надеюсь к этому времени если и не встретиться с послом, то, во всяком случае, приступить к расследованию смертоубийства.

– Вот и чудно! Вы уж поторопитесь, дорогой мой, поторопитесь. А то, не ровен час, война разразится. Связь со мной держите через посольство. Шифровать соблаговолите самолично. Ключ к шифру вам передадут. А сейчас извольте проследовать в канцелярию. Бумажные дела – суть неприятные, но от них никуда не денешься. Даст Бог, скоро вернетесь. – Мирский встал с кресла.

– Честь имею, – попрощался Ардашев и покинул кабинет.

Блуждая по коридорам некогда родного ведомства, именуемого в дипломатическом просторечии Певческим мостом – так называли МИД по месту нахождения здания, – все еще присяжный поверенный слегка загрустил. «Вот и закончилась моя спокойная провинциальная жизнь. Прощай, хлебосольный Ставрополь. А вместе с ним придется забросить и литературные начинания. А впрочем, – возразил он сам себе – возможно, я не прав. Ведь написал же Пушкин «Путешествие в Арзрум», следуя за армией графа Паскевича. Правда, если разобраться, это лишь дорожные впечатления, и не больше.

Уже в поезде, за несколько верст до родного вокзала, на память Ардашеву вновь пришли строки из пушкинского произведения: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мои взоры за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины кавказской цепи».

²² Так назывались издержки на секретные статьи: оплата тайным агентам и осведомителям, а также т. н. «цифрные дела», относящиеся к дешифровке иностранной дипломатической корреспонденции.

II

Вероника Альбертовна проплакала два дня. Ничто не могло утешить верную подругу присяжного поверенного: ни перспектива жизни в столице, ни обещание привезти чудный ширазский шелк или хорасанские ковры. То же и горничная Варвара – утирала украдкой слезу и ходила с красными глазами. Семь лет прожила она в этой тихой бездетной семье, и обитатели модного особняка на Николаевском стали для нее почти родными. Вот и сидела она теперь на краешке стула, теребила край косынки, вздыхала и прислушивалась к разговору, доносившемуся из адвокатского кабинета:

– Знаю я, Климушка, знаю, родной, что уезжаешь ты надолго. Сердцем чувствую. Да и куда? К этим нехристям? А что они с Грибоедовым сделали? Голову отрезали и три дня по городу носили на палке. А тело, обвязав дохлыми кошками и собаками, все это время таскали по земле! А потом, когда труп ссохся и почернел, выбросили в выгребную яму! Разве это люди?!

– Рази люди? – вторила из-за двери Варвара, роняла слезу и осеняла себя крестным знаменем.

– Успокойся, милая, успокойся! – утешал жену Ардашев. – Это когда было-то? Почти сто лет назад! Сейчас там все по-другому. Вот и дорогу железную скоро построят, нефть добывать начнут, концессии, цивилизация...

– Цивилизация? Да нет там никакой цивилизации! Ты думаешь, я ничего не знаю? Думаешь, подруги мне не рассказывали, что они с казаками нашими там вытворяют, стоит кому-нибудь от своих отбиться? Руки, ноги обрубят, нос отрежут, глаза выколуют, только язык оставят, чтобы плакать да кричать мог! Звери – одно слово.

– Чистые звери! – причитала, всхлипывая по-детски, горничная.

– Варвара! – не удержался Ардашев. – Варвара, подите сюда!

– Звали? – утирая красные глаза, осведомилась девушка.

– Принесите мне коньяку и две рюмки лавровишневых капель. Извольте поторопиться.

Не прошло и трех минут, как горничная явилась с подносом. Ардашев передал рюмку с микстурой жене, налил себе коньяк и, глядя на служанку, сказал:

– Берите успокоительное, голубушка. Это вам.

– Ну что вы, зачем? – смущенно пролепетала она, но подчинилась, взяла.

Клим Пантелеевич поднялся.

– Итак, милые дамы, предлагаю выпить за отъезд. Я ненадолго. Месяц-два – не больше.

Вероника Альбертовна всхлипнула и опрокинула содержимое, будто там была водка. Точно так же поступила и Варвара.

Утром он уехал.

III

Потом был поезд. Пересадки. Вокзалы. Пассажиры, снующие словно муравьи. В Баку Ардашев прибыл как раз перед отплытием «Цесаревича» и даже не успел составить собственное впечатление о городе. Зато плавание на пароходе воскресило из памяти уже изрядно забытые воспоминания средиземноморского круиза четырехлетней давности.

Каспийское море не Черное и уж точно не Средиземное, да и «Цесаревич» по размерам не дорос до «Королевы Ольги», но сходство в пейзажах все же имелось. Перед глазами вояжера вновь простиралось коломянковое, застиранное синькой небо, черный дым, похожий на срезанную спиралью яблочную кожуру, и далекий, слившийся с горизонтом берег.

Публика на судне была самая разномастная: туркмены в цветастых халатах, турки, татары, армяне и грузины. На глаза попались два инженера в форменных мундирах и геолог. Эта небольшая компания о чем-то оживленно спорила. Мимо них простучали каблуками две персиянки в чадрах и бесследно исчезли в чреве парохода. Неожиданно среди этой пестрой восточной толпы Ардашев увидел православного батюшку. В одной руке у него был самовар, завернутый в рогожу, а в другой – потертый коричневый чемодан. Священник был одет в просторную рубаху, подпоясанную тонким ремешком, брюки, заправленные в сапоги, и легкий пиджак. И хотя он был в мирской одежде, но все равно смотрелся неким инородным телом среди собравшегося люда. Вероятно, такое ощущение возникало из-за выражения лица батюшки: задумчивый, несколько философический взгляд, умные глаза и густая, аккуратно постриженная окладистая борода.

– Не только русские, но и персы пристрастились к самовару. Они его так и называют: «самовар», а вот стакан почему-то «истаканом» кличут. Хорошо еще, что не «истуканом».

Статский советник повернулся. Перед ним стоял казачий офицер богатырского вида.

Слегка склонив в приветствии голову, Ардашев пояснил:

– «И» прибавляется потому, что персидское слово не может начинаться двумя согласными. – Такова структура их языка.

– Вот как? Не знал. Кстати, позвольте отрекомендоваться – подьесаул Летов, Михаил Архипович. – Военный протянул руку и внимательно оглядел собеседника. «Судя по одежде (светлый костюм, белоснежная сорочка, запонки с брильянтами, кремовая бабочка, туфли молочного цвета из дорогой мягкой кожи и легкая светлая шляпа), этот господин имеет не только хороший вкус, но и солидный достаток».

– Клим Пантелеевич Ардашев, – ответил на рукопожатие статский советник и в свою очередь бросил взгляд на нового знакомого. «Несомненно, это боевой офицер. На вид лет тридцать. Шрам на левой щеке – явно от сабельного удара. И карманные часы без крышки – надо же! – прикреплены ремешком к кисти правой руки. Вероятно, так удобнее в бою».

– А вы в Персию по службе или так, вояжируете? – поглаживая аккуратные усы, поинтересовался Летов.

– По службе.

– Фамилия ваша мне как будто бы знакома... Простите, а у вас, случаем, в Ставрополе нет родственников?

– Я сам оттуда.

– Неужели! Выходит, мы не просто попутчики, а еще и земляки. Я окончил Ставропольское реальное училище, а потом и военное Алексеевское. – Офицер наморщил лоб и вдруг воскликнул: – Ах да! Кажется, вспомнил! В Ставрополе проживает присяжный поверенный Ардашев. Ваш однофамилец или брат?

– Это я и есть. – Клим Пантелеевич улыбнулся одними глазами. – И вы правы: я действительно еще недавно был адвокатом. Но теперь вот служу в МИДе.

– Правда? Искренне рад знакомству! – Богатырь с такой силой принялся вновь трясти руку новому знакомцу, будто проверяя, насколько прочно она прикреплена к туловищу. – Я много слышал о ваших удивительных расследованиях – говорил он скороговоркой, – и читал рассказы Кургучева о вас, но никогда... никогда не думал, что вот так, запросто, с вами познакомлюсь.

– А вам, Михаил Архипович, вижу, здесь приходилось несладко. – Ардашев кивнул на Святую Анну IV степени с надписью «За храбрость» и на Станислава III степени с мечами и бантом, красовавшиеся на черкеске.

– Да всякое бывало. В Персии я с прошлого года...

Слова заглушил пароходный гудок, и матросы убрали сходни.

– Ну что ж, по-моему, самое время спуститься в наши корабельные жилища, – предложил Клим Пантелеевич. – Надеюсь, вы составите мне компанию отужинать в ресторане?

– С удовольствием, – обрадовался Летов.

– Тогда предлагаю встретиться там через час.

Статский советник покинул палубу, которая уже начинала пустеть: пассажиры разошлись по каютам.

Часом позже Ардашев с интересом слушал рассказ подьесаула о его стычках с местными племенами. Получалось, что в Персии шла настоящая война против русских. Почти год назад его сотня сопровождала партию топографов и попала в окружение. Курды залегли на господствующих высотах и стали вести прицельный огонь. Они превосходили казаков по численности в несколько раз. Летов принял решение спешиться и вступить в бой. В таких условиях прорываться не было никакого смысла. Это привело бы к неминуемой гибели людей. Дождавшись наступления темноты, подьесаул приказал подвязать копыта лошадей сухой травой и обмотать пашки любой попавшей под руку материей, чтобы ножны не стучали о стремяна. Курить и разговаривать было запрещено. Предстояло пройти по узкому проходу над самым обрывом, но это был единственный путь к спасению. Даже те, кто срывался в пропасть, падая, не издавали ни звука. К утру лабинцы не только вышли из кольца, но и оказались в тылу противника. И когда первые лучи солнца начали золотить вершины окрестных гор, подьесаул повел сотню в атаку. Противник был изрублен. Пленных не брали. Две близлежащие деревни курдов были сожжены дотла. Не раз доводилось подьесаулу приходиться на выручку братьям по оружию. Так, хорунжий Некрасов, прикрывавший отход казаков, был ранен в колено как раз в тот момент, когда собрался запрыгнуть на коня. Сумев доползти до ближайшего камня, он начал отстреливаться со своего нагана, но вновь получил ранение, теперь уже в руку. Шахсевены, увидев, что перед ними всего один человек, бросились окружать его. Хорунжий продолжал вести огонь и трижды успел перезарядить револьвер. Когда до офицера осталось менее пятидесяти шагов, один из кочевников обратился к нему по-русски, обещая в случае сдачи в плен сохранить храбрецу жизнь. В ответ Некрасов точным выстрелом сразил наповал еще одного врага. Обессиленный, с простреленными ногами и одной рукой, без патронов, он отбил от неприятелей лежа, одним кинжалом. Кочевники, увидев несущуюся казачью лаву, не успели добить хорунжего и бросились к своим коням. Героя удалось спасти. Летов же за проявленные в боях храбрость и находчивость получил Станислава и отпуск. И теперь он возвращался к месту службы, в Казвин.

За разговором время незаметно подошло к полуночи, и собеседники отправились спать.

Утром золотистая дорожка восходящего солнца серебрила уже не только море, но и подбиралась к суше. В рассветном зареве показались серебристые макушки минаретов. Справа в зелени померанцевых деревьев прятались добротные дома из белого камня. Судя по всему, это была деловая часть города. Слева виднелось село Казьян с кромками отлогого, будто откусанного берега. В Персии Ардашев бывал и ранее, но добирался он туда с юга, со стороны Персидского залива, а не через Каспий.

«Цесаревич» стал на рейд и дал три коротких гудка. А потом, словно поразмыслив немного, добавил еще один – длинный. И тут же откуда-то издалека послышался тонкий, будто паровозный, свист. Показался лоцманский катер. Развернувшись, он повел за собой пассажирское судно. С палубы были хорошо видны подводные мели. «Цесаревич» входил в порт медленно, не торопясь. Переваливаясь с боку на бок, точно старая утка, он пришвартовался и бросил якорь.

У пристани в грязной мутной воде плавали арбузные корки и сломанные деревянные ящики, кляксами чернели нефтяные пятна.

И вот уже брошены сходни, и заскрипела под подошвами древняя, выжженная солнцем земля, страна Заратустры и Ахуразмы.

Перед пассажирами маячила неприветливая пограничная стража: жандарм и два сарбаза²³ с английскими винтовками за спиной.

Когда формальности с документами были закончены, Ардашев вместе с подъесаулом вышли во двор. За ними семенил араб с двумя чемоданами. На площади гудела разномастная толпа: хамалы²⁴ с тачками предлагали помощь, местные сурчи (извозчики) во весь голос, точно чайки на берегу, кричали одно и то же слово: «Дрожке! дрожке! дрожке!» Тут же расхваливали товар аджил-фуруши – продавцы аджиля²⁵. Их табахи (подносы) были полны орехов, фисташек, сушеного эзгиля²⁶ и семечек. Отовсюду слышалось: «Хош гельди!²⁷ Хош амедид!²⁸ Москови!²⁹ Салам!»³⁰. Продавцы фруктов предлагали розовые персики, ароматные груши, инжир, яблоки и тяжелые кисти спелого табризи³¹. «Аб-хордам! Аб-хордам!»³² – надрывался тощий, как саксаул, подросток.

В пыли в лохмотьях, скрестив ноги, сидели лути³³ и на одной заунывной ноте, будто подражая зурне, просили милостыню. Внутри этого беснующегося, галдящего на разных языках и наречиях вавилонского столпотворения сквозь скопище людей продвигались ажаны. Завидев попрошаек, полицейские криками «боро-боро!»³⁴ поднимали их с земли и ударами бамбуковых палок отгоняли от лотков.

Откуда-то неподалеку послышался шум приближающегося мотора. Из-за одноэтажного домика пограничной стражи вырулил черный, как ворон, пятиместный «Форд Т» с откидным верхом. За ним тянулось облако пыли. Заглушив двигатель, автомедон снял шоферские очки и вышел из машины. Это был невысокий человек лет тридцати пяти с заметными бачками, аккуратными усиками и несколько уставшим желтоватым лицом с оттенком едва заметной грусти: дескать, послали – ну что тут поделаешь, – пришлось ехать.

– Ого! – удивился Летов. – Смотрите-ка! А вас, кажется, встречают!

Выбрасывая вперед трость, Клим Пантелеевич зашагал к автомобилю. Выдав улыбку, водитель осведомился:

– Простите, сударь, а не вы ли будете господин Ардашев?

– Верно! – радостно проговорил статский советник. – С кем имею честь?

²³ Сарбаз (перс.) – солдат, пехотинец (прим. авт.).

²⁴ Хамал (перс.) – носильщик с тачкой, чернорабочий (прим. авт.).

²⁵ Аджил (перс.) – разного рода семечки, орехи, изюм (прим. авт.).

²⁶ Эзгиль (тюркс.) – слива (прим. авт.).

²⁷ Хош гельди (тюркс.) – Добро пожаловать! (прим. авт.)

²⁸ Хош амедид (перс.) – Добро пожаловать! (прим. авт.)

²⁹ Москови (араб.) – так арабы называли русских (прим. авт.).

³⁰ Салам (араб.) – здравствуйте (прим. авт.).

³¹ Табризи (перс.) – сорт длинного винограда без косточек (прим. авт.).

³² Аб-хордам (перс.) – холодная вода (прим. авт.)

³³ Лути – (здесь) босяк, оборванец (прим. авт.).

³⁴ Боро! (перс.) – пошел! (здесь) убирайся! (прим. авт.)

– Байков Митрофан Тимофеевич, коллежский регистратор, послан за вами.

– Вот и славно! – Клим Пантелеевич повернулся к муши³⁵, указывая ему на место для багажа.

Неожиданно Ардашев увидел того самого священнослужителя, которого накануне он заметил на палубе. Он и сейчас держал в одной руке самовар, а в другой – потертый чемодан. Перед ним стоял сурчи, а неподалеку – коляска. Извозчик, склонившись и не слезая с козел, задавал один и тот же вопрос: «Коджа мери, сайб?» – а батюшка, не понимая языка, растерянно смотрел по сторонам. И вот тут он и встретился взглядом с Ардашевым.

– Простите, сударь, – обратился он к статскому советнику, – не объясните, что этот человек от меня хочет?

– Он спрашивает вас, отче, куда вы собираетесь ехать.

– А! – кивнул богослов, и его лицо просияло. – Так знамо куда – в Тегеран!

– О! Тейран, Тейран! – закивал возница. – Бели-бели!³⁶

– Так ведь и я в Тегеран. Если хотите, поедemте вместе с нами, – предложил статский советник. – У нас как раз имеется свободное место. К тому же путешествие в фаэтоне будет долгим.

– Дня два, а то и три, – предположил Летов. – И еще неизвестно, сколько времени придется провести в чапарханэ – так у них называются почтовые станции.

– Вы очень любезны! – батюшка расцвел мимозой. – Не могу не воспользоваться вашим предложением. – Иерей Симеон, – отрекомендовался новый знакомец, – направлен в Тегеран решением Святейшего Синода. Буду заниматься постройкой нового храма.

Подойдя ближе, он осенил всех крестным знаменем:

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Байков с благодарностью трижды коснулся губами батюшкиной длани. Ардашев и Летов, склонив головы, ограничились простым прикосновением рук к ладони священника.

Подъесаул помог загрузить вещи и расположился сзади, рядом с отцом Симеоном. Ардашев занял место впереди. Шофер трижды крутнул ручку стартера, закрепил ее кожаным ремешком под правым крылом, сел за руль, и автомобиль понесся, оставляя позади пыльный известковый след. До Решта – первого города на пути – оставалось тридцать семь верст. Не прошло и четверти часа, как лопнула шина и водитель, подставив домкрат, принялся возиться с колесом.

Попутчикам ничего не оставалось, как коротать время под зеленым грабом, раскинувшим неподалеку свой густой шатер. В кронах дерева копошились дикие голуби, беспокоилась недовольная сорока и заливались многоголосьем канарейки.

Здесь, рядом с морем, растительность напоминала тропическую, сходную с той, которую можно наблюдать в Потти, Гаграх или Батуми. Чинары, каштаны, тутовые деревья, пальмы, заросли кизила и шиповника, дубовые рощи вперемежку с кустами мимозы производили на вояжеров исключительно благоприятное впечатление. Вокруг стояла такая сырость, какая бывает на Кавказе сразу после дождя. В речушках и оросительных каналах обитало множество черепах и беспечных лягушек, служивших кормом для несметного количества змей. Да и дикие животные чувствовали себя достаточно вольготно. Стоило, к примеру, батюшке углубиться в зеленые дебри, как от его благодушного настроения не осталась и следа: на опушке леса он наткнулся на стаю шакалов, рвавших тушу падшего дикого кабана. И свалившаяся с дерева на его голову фаланга тоже не добавила радости богослову. Иерей сник, словно известь, на которую брызнули воду. Заметив это, подъесаул, желая отвлечь попутчика от тоскливых мыслей, спросил:

³⁵ Муши (*перс.*) – носильщик, но без тачки (*прим. авт.*).

³⁶ Бели (*перс.*) – согласен (идет, договорились) (*прим. авт.*).

– У меня, ваше преподобие, еще с самого Баку на языке вертится один вопрос: для чего, позвольте узнать, вы везете с собой самовар?

– А как же, сын мой, русскому человеку без самовара? Без самовара никак нельзя. Кофею я не потребляю – горький он больно, а вот чаек мы с матушкой каждый вечер откушиваем... вернее, откушивали, – грустно поправился он. – А басурмане-то, говорят, чай по-иному готовят. Они его на огне кипятят в медном чайнике, и от этого он у них черный как деготь и тянется, точно сусло. Нешто можно такое пить?

– Ох и крепок он у них! – тряхнул головой Летов. – Но самовары-то и здесь есть, местной работы, с изъянами, но все же... А вот чайник фарфоровый – в Персии редкость, а для русского человека он наиглавнейшая вещь.

– А я прихватил один, хороший, из кузнецовского фарфора, – батюшка довольно погладил бороду, – в чемодане едет.

– Это правильно, – согласился подьесаул.

Солнце становилось все безжалостней. Невыносимая жара действовала удручающе. И только через полчаса, когда «Форд» вновь побежал по шоссе, стало веселее. С обочины то и дело взлетали испуганные стайки воробьев.

Говоря откровенно, дороги в Персии – врагу не пожелаешь: большей частью грунтовые или даже тропы; они пригодны лишь для навьюченных мулов, лошадей или верблюдов. Не всякая коляска их осилит. Исключение составляло как раз это шоссе, берущее начало от порта Энзели. Главная транспортная артерия страны шла по всей Гилянской провинции через Решт, Казвин и дальше, на Тегеран. Построенная под присмотром русских мастеров и на средства русского капитала, она служила уже больше десяти лет и до сих пор находилась почти в идеальном состоянии. Персам еще предстояло за нее расплатиться с Россией.

Кое-где дорога змеилась между холмами, незаметно переходящими в горы. Они то скрывались за зеленой густой растительностью буковых лесов, то появлялись вновь, обнажая унылые скалы. Вдалеке воткнутыми в горизонт свечками смотрелись минареты Решта.

В городе решили не останавливаться и на полном ходу его миновать. Как и предупреждал Ардашева князь Мирский, здесь были сильны антирусские настроения. А тон им задавали шайки и Керим-хана, и Сеид-Шерифа, поэтому «Форду» пришлось, не сбавляя скорости, пронестись по грязным, немощеным улицам города, приводя в смятение женщин, закрытых чадрой. Машина двигалась между глухих стен саклей, лишенных окон, и выехала к центру, к мейдану. Перед входом в базар, как и повсюду на востоке, располагался самый большой бассейн для набора воды. А всего таких в городе имелось четыре.

Завидев автомобиль, толпившиеся у входа зеваки стали что-то выкрикивать и махать руками. Еще с прошлой командировки Ардашев помнил, что в Реште проживало двадцать-тридцать тысяч человек. Цифра приблизительная, но это не удивительно: перепись населения в Персии никогда не производилась. Глинобитные сакли с покосившимися крышами прелести городу не добавляли. К тому же здесь, как и почти везде на Ближнем Востоке, ничего не слыхивали о канализации, и нечистоты сливали в арыки вдоль дорог, отчего во всей округе стоял удручающий запах. Однако местные жители, судя по всему, к такой жизни давно привыкли и считали ее вполне сносной.

Верст через тридцать Энзели-Тегеранское шоссе уже пролегало по покрытым лиственным лесом горам. А с другой стороны, параллельно дороге, несла свои хрустальные воды река Сефид руд. Там, на дальнем берегу, виднелись сады и деревни.

Автомобилю все чаще и чаще приходилось замедлять скорость. Виной всему были караваны верблюдов, мулов и ослов, тянувшихся по дороге. Навьюченные хлопком, керосином, фруктами или чаем, они следовали не спеша и отнюдь не торопились уступить дорогу нетерпеливому авто, кричащему плаксивым клаксоном. И тогда приходилось ждать, пока погонщик оттащит их на обочину. Велико же было удивление отца Симеона, когда он узрел, каким спо-

собом путешествуют персидские женщины. Они, словно кули с мукой, лежащие в кеджевах – плетеных люльках-корзинах, притороченных с боков к дромадеру, – с закрытыми лицами, покорно терпели долгую дорогу. Встречалась и другая картина: впереди, неторопливый и важный, помахивая веточкой, налегке шествовал персидский крестьянин, позади него – навьюченный катер³⁷, а замыкала шествие жена перса, неся на спине едва ли не больший груз, чем бредущее впереди нее животное. Естественно, она была в черной чадре, шальварах и кожаных ботинках. В этом тяжелом и неуклюжем наряде, задыхаясь от зноя и пыли, женщина еще и тащила на спине мешок! И это при 30-градусной жаре по Реомюру!³⁸ «Да, – думал Ардашев, известная персидская пословица: «Не будь женой осла, а если уж стала ею – неси ослиный груз», в самом деле звучит как издевка».

Перед селением Рудбар попадались посаженные рядами деревья маслин. Придорожная надпись свидетельствовала, что неподалеку находится французский завод по производству оливкового масла.

Окружающий ландшафт постепенно менялся: равнина уступила место горам, зеленые рощи – голым каменистым возвышенностям. Миновали несколько сел, и «Форд», пыхтя и тужась, стал карабкаться вверх к Юзбашчайскому перевалу. На тенистых склонах кое-где еще лежал снег, и с горных вершин веяло холодом. Машина все чаще «чихала», и мотор «задышался». Тогда Байков применял запрещенный, но безотказный прием: развернувшись на крохотном пятачке подъема, он жал на среднюю педаль (их всего было три), отводил на себя ручку газа, расположенную под рулем, и автомобиль вполне благополучно взбирался... задним ходом. В такие минуты пассажиры едва не вываливались из своих мест. Священник беспрестанно молился и осенял себя крестным знаменем. Проблемы с мотором объяснялись просто: при отсутствии бензонасоса топливо поступало к двигателю самотеком.

Минут через тридцать «самодвижущая коляска» остановилась у придорожного каменного столбика. На нем читалась надпись: «5326 ф.»³⁹. Это была высшая точка перевала. Кто бы мог подумать, что двадцатидвухсильный двигатель, часто глохнувший на подъемах, покорит такую высоту!

А потом начался спуск, и жара вновь навестила путешественников. Раскаленный воздух, казалось, застыл. Не чувствовалось даже малейшего дуновения ветерка. Пот струился по лицам, и Ардашев то и дело вытирал лицо белоснежным, отглаженным квадратами платком. Спасала только вода, заботливо припасенная коллежским регистратором в солдатских баклагах. Батюшкин медный самовар так нагрелся, что держать его не было никакой возможности, и потому его привязали сзади, на чемоданы.

К полудню, точно на фотографической пластине, проявились очертания города, плененного зеленью миндальных и фисташковых деревьев. Это был Казвин. По числу жителей он в два, а то и в три раза превышал Решт. Въездные ворота, украшенные зеленовато-голубой мозаикой, изображающей сцены охоты шаха, сохранились в почти первозданном виде и до сих пор изумляли своей красотой. Коренное население влачило жалкое существование, и только пришлые армяне владели лавками.

Клим Пантелеевич узнавал знакомые улицы: Рештскую, Тегеранскую и Шахскую. Персы называли их хиабанами, то есть проспектами. Они и в самом деле внешне напоминали бульвары, обсаженные ветвистыми платанами.

«Форд» остановился у одноэтажного дома с высокими деревянными воротами. У входа дежурил казачий караул. Это и был штаб 1-го Кизляро-Гребенского полка Терского Казачьего Войска. Здесь, в Казвине, дислоцировалась только 2-я сотня.

³⁷ Катер (мул) – помесь кобылы и осла (прим. авт.).

³⁸ Что соответствует 37 градусам Цельсия (прим. авт.).

³⁹ Что соответствует 1623 м (прим. авт.).

– Ну вот, я и приехал. – Забрав чемоданчик, Летов вышел из автомобиля.

– Храни вас Бог! – сонно вымолвил батюшка, укладывая на освободившееся место самовар.

– Желаю и вам, отче, счастливой дороги. Только вот добраться, господа, вам надобно непременно сегодня. Ночью в округе хозяйничают банды. Для этих туземцев человеческая жизнь и ломаного динара не стоит.

– Ничего, успеем! – заверил Байков. – До Тегерана всего 136 верст. А вот бензина залить бы не мешало.

– Заправимся, не волнуйтесь, – успокоил его Ардашев, – но сначала нанесем визит консулу.

– А может, все-таки выделить вам казачье охранение?

– Не стоит, – проговорил статский советник. – Этак мы за лошадьми два дня плестись будем.

Летов улыбнулся.

– Приятно было с вами общаться, Клим Пантелеевич!

– Взаимно. Даст Господь, свидимся еще, Михаил Архипович.

– Хорошо бы! Честь имею кланяться!

– Честь имею!

Казачьи, завидев своего командира, молодцевато приложили руки к папахам. Один из них тут же выхватил у подъесаула чемодан, и Летов скрылся за дверью.

Клим Пантелеевич вновь занял место рядом с водителем, и «Форд» покатил вниз по улице. Миновав городскую площадь и мейдан, автомобиль остановился у двухэтажного каменного здания с российским флагом. Это и было консульство. Здесь же неподалеку находилась и совсем немногочисленная русская колония: школа, больница, «Русский ссудный банк» и небольшая церковь.

Консулом всей Казвинской провинции, или сатрапии, как говорили персы, был старый знакомец Ардашева – Святослав Матвеевич Красноцветов. Невысокий, но ладно сложенный крепыш с хорошо заметной лысиной и густыми бакенбардами уже перешагнул пятидесятилетний рубеж, но выше надворного советника так и не поднялся. Однако это обстоятельство, по видимому, его вовсе не огорчало. Глядя на него, казалось, что счастливее и жизнерадостнее человека не отыскать во всей Персии. Если, например, кто-нибудь из сослуживцев или просто друзей, завидев его, спрашивал, как дела, то в ответ всегда раздавалось неизменное: «Прекрасно! Дай Бог каждому!», а лицо его при этом озарялось доброй, светлой улыбкой. И те, кто страдал пороком зависти, удрученно опускали глаза и начинали суетливо торопиться куда-то, придумывая на ходу причину. «Надо же! – рассерженно думали они. – У меня куча проблем, а у этого лысого коротышки соловьи на сердце поют! Безобразие!» И неведомо было этим несчастным, что надворный советник, имеющий молодую, но большую жену и трех дочерей, едва сводит концы с концами и давно шлет на Певческий мост безответные письма, в которых почтительнейше умоляет его сиятельство «о принятии детей на казенный счет в учебные заведения и ассигновании им ежегодных пособий на содержание». Супруга его Анастасия Викторовна, хоть была почти на пятнадцать лет моложе, но чувствовала себя неважно. А виной всему был местный, сугубо вредный для больных чахоткой климат. Сырость и жара, как в болоте. Ничто не помогало, никакие лекарства. Пробовали шпанскую мушку и всяческие компрессы, раздражающие легочные ткани и снимающие обострения; давали эрготамин – лекарство от чахотки на основе вытяжки из плесневого грибка, выращенного на ржи, – но от него у Анастасии Викторовны появлялись галлюцинации, а облегчение так и не наступало. И сколько ни просил Святослав Матвеевич о переводе в Бендер-Бушир, поближе к Персидскому заливу, все тщетно: мольбы до чиновников Департамента личного состава и хозяйственных дел МИДа не доходили.

Работа консула незавидная. Это только несведущий в дипломатических тонкостях обыватель большой разницы между посольством и консульством не видит. На самом деле все далеко не так. Русские купцы, ограбленные местными разбойниками, российские граждане, оказавшиеся во власти светского суда и содержащиеся в персидских тюрьмах, – все искали помощи в консульстве. А если к этому добавить еще и нотариальные услуги, регистрацию рождений, браков и смертей, приведение к присяге новому государю, контроль над выполнением воинской обязанности российских подданных, то станет совершенно понятно, насколько рутинной была эта работа. Из-за ее большого объема Святослав Матвеевич никак не мог получить отпуск. Своих престарелых родителей, имевших небольшое имение в Воронежской губернии, он уже не видел восемь лет. А жалованье? Оно было намного ниже, чем у дипломатов, а карьерный рост ограничивался чином статского советника. И это обстоятельство не оставляло надежд на спокойную и обеспеченную старость. Правда, где-то глубоко в душе теплилась у надворного советника вера в призрачное будущее: дослужиться до должности генерального консула Персии. Вот тогда-то можно было бы выйти в отставку в чине действительного статского советника – читай генерала, – а это совсем другое дело! Собственно, этой мечтой он жил.

Байков, судя по всему, в консульстве был частым гостем, и потому казаки, охранявшие вход, отворили ворота и пропустили не только его, но и всю компанию.

Стоило в дверях кабинета появиться Ардашеву, как Красноцветов тут же поднялся из-за стола, вскинул вверх руки и воскликнул:

– Святые угодники! Кого я вижу! Да неужто сам Клим Пантелеевич пожаловал! Господи! А ведь сказывали, что вас тогда... того... – Он провел ладонью по горлу, но осекся, увидев за спиной статского советника Байкова и незнакомца с бородой. – Рад, рад безмерно! – он долго тряс Ардашеву руку, а потом указал гостям на широкий восточный диван с золотыми амурами по краям. – Присаживайтесь, господа. – Он придвинул стул и расположился напротив. – Ну рассказывайте, куда едете? Откуда?

– В Тегеран, на новое место службы, – весело отрапортовал Клим Пантелеевич, – а это отец Симеон, настоятель пока еще не построенной церкви, на которую теперь надо будет найти средства, поскольку деньги покойного Раппа исчезли.

– Да-да, горе родственникам... Я занимался отправкой его тела на родину. Ох уж эти персы, хуже татар. Нет у них сердца. – Он повернулся в сторону иерея. – Позвольте, батюшка, испросить вашего благословения.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Склонив голову, консул поцеловал руку священника, перекрестившего его. Подняв через секунду глаза, Красноцветов изрек:

– А теперь, господа, прошу всех отобедать.

– Благодарю вас за приглашение, Святослав Матвеевич, но нам бы желательно попасть в Тегеран дотемна, – вежливо попытался отказаться Ардашев.

– И заправиться бы не мешало. Бак почти пуст, – поддержал статского советника Байков.

– Батюшки святые! – Красноцветов округлил от удивления глаза и выразительно посмотрел на стенные часы. Стрелки показывали без четверти час пополудни. – Успеете! Не волнуйтесь! А нет, так у меня заночуете! Сегодня Настюшка как раз замыслила новое блюдо. Ее местная кухарка научила. – Он вдруг просиял, поворотился к Ардашеву и осведомился: – А помните, душа моя, как вы у нас гащивали?

– Как же, как же! Анастасия Павловна всегда готовила чудный абгушт⁴⁰.

– Отцы Спасители! – Он восторженно хлопнул в ладоши. – Не забыл! А ведь, почитай, лет десять прошло. Не меньше!

– Девять лет и три месяца, – невозмутимо заметил Клим Пантелеевич.

⁴⁰ Абгушт (*перс.*) – первое блюдо, суп из баранины с фасолью, горохом, абрикосами и сливами (*прим. авт.*).

– Вот-вот, и три месяца. Вы всегда были удивительно точны.

Консул возбужденно прошелся по комнате и, остановившись напротив Ардашева, заинтересовался:

– Кстати, а в какой должности вы теперь служите? В каком чине? Небось уже давно в статских ходите?

– Статского дали всего неделю назад. А прибыл я сюда в качестве чиновника по особым поручениям. Занимаюсь расследованием смертоубийства Генриха Августовича Раппа.

– Помяни, Господи, Боже наш, в вере и надежде живота вечного преставльшагося раба Твоего, брата нашего Генриха, и яко Благ и Человеколюбец отпускай грехи его, – нараспев, будто при отпевании, проговорил батюшка и горестно вздохнул.

Пропустив слова иерея, Красноцветов повел удивленно бровью и спросил:

– Вы? Расследованием?

– Да, – кивнул статский советник. – Я ведь, Святослав Матвеевич, еще в пятом году в отставку вышел. Реанимировал свое юридическое образование и семь лет работал присяжным поверенным в Ставропольском окружном суде. Но вот позвали назад, и я вернулся.

– Но помилуйте, душа моя, адвокат не судебный следователь!

– Так ведь таковых в МИДе и не имеется, – вставил веское слово драгоман.

– Да-с, вы правы, Митрофан Тимофеевич, не имеется. А жаль. Одно-двух бы не мешало.

Сощурившись с простодушным лукавством, консул полюбопытствовал:

– А вы, случаем, не помните, благодетель вы мой, несколько лет назад газеты писали о таинственной череде смертей, случившихся в Вюртембергском королевстве?

– Читал что-то в «Новом времени». – Ардашев задумался на миг и, кивнув головой, сказал: – Если я не ошибаюсь, русский посланник – барон Стааль – скончался от удара в Штутгарте. Незадолго до этого такая же участь постигла и какого-то прусского министра. Простите, фамилию запамятовал. Эти два скорбных случая объединяло то, что обе кончины произошли дома у баварского посланника графа Мояво время игры в карты.

– Удивительно! У вас феноменальная память! – Красноцветов, точно механическая кукла, у которой кончился завод, в изнеможении плюхнулся на стул. – А хотите, душа моя, и я вас удивлю?

Выдержав паузу, он поднял указательный палец и многозначительно изрек:

– Рапп предчувствовал свою смерть. И больше того, он говорил об этом мне всего за месяц до убийства?

– Вы виделись с ним? – осведомился статский советник.

– Да, он приехал собирать деньги в здешней русской колонии на строительство храма. Встречался с купцами. Они-то и познакомили его с Веретенниковым. Был он и у меня дома. Настюшка стол накрывала. – Святослав Матвеевич улыбнулся уголками губ. – А уехал утром, чуть свет. В гости приглашал. Но мне все не досуг было...

– Как? – воскликнул Байков и подскочил с дивана. – Вы же были в Тегеране за два дня до убийства. Я видел вас на мейдане с полковником.

– Помилуйте, голубчик, – Красноцветов оторопело уставился на драгомана, – с каким полковником? О чем вы?

– С Кукотой, с нашим военным агентом. – Коллежский регистратор смотрел на консула наивным, почти детским взглядом.

– Ну, батенька! – затряс головой Святослав Матвеевич. – Вы определенно ошиблись! Да, я действительно был в Тегеране, и в посольство заходил, а вот с этим... – он наморщил лоб, – как его... Кукотой, хоть и виделся пару раз, но по базарам уж точно не расхаживал. Выдумки это! Фантазии! Фата-моргана вашего воображения!

– Простите великодушно, ваше высокоблагородие, – поднимаясь с дивана и одергивая полы пиджака, обиженно выговорил Байков, – но я пока еще в здравом уме нахожусь! – Он подошел к двери и, повернувшись к Ардашеву, сказал: – И все-таки, Клим Пантелеевич, нам бы лучше долго здесь не задерживаться. В дороге всякое может приключиться. А я пока пойду... автомобиль заправлю.

– Что ж, пожалуй, Митрофан Тимофеевич прав. – Статский советник протянул руку консулу. – Позвольте откланяться. Нам и в самом деле не стоит рисковать.

– А как же угощения? – Красноцветов обвел присутствующих растерянным взглядом.

– Да успеется еще, Святослав Матвеевич! Свидимся, надеюсь.

Без лишних церемоний Ардашев и батюшка вышли во двор. Байков возился у черных железных бочек. В знойном воздухе пахло бензином. Драгоман через шланг наполнял топливом ведро и с помощью жестяной воронки заливал в бак «Форда». Когда пахучая жидкость потекла через край, он удовлетворенно крикнул, вытер вокруг ветошью и со скрипом закрутил крышку.

Уже выехав из города, Ардашев спросил Байкова:

– А вы не могли ошибиться и принять за консула кого-то еще?

– Ни в коем разе, Клим Пантелеевич. Он ведь приметный: ходит в белом пробковом английском шлеме. Да еще и с офицерской шашкой, как на параде. Его за версту видно.

– А полковник Кукота что за человек?

– Военный агент. Основное время проводит в разъездах. А когда находится на месте – всюду сует свой нос. Примерно с год назад пришел он ко мне вечером с початой бутылкой коньяка. Ну посидели, выпили, за жизнь поговорили. А потом начал делать мне разного рода предложения...

– Предложения?

– Да. Он хотел, чтобы я писал для него отчеты, в которых указывал бы, что интересного случилось в посольстве за неделю. Деньги обещал. Я, понятное дело, оскорбился. Сказал, что сексотом быть не собираюсь, и попросил его больше с такими просьбами ко мне не обращаться. На следующий день о случившемся я доложил послу. Иван Яковлевич выслушал меня и поблагодарил, сказав, что я поступил как порядочный человек. С тех пор с полковником я почти не общаюсь. Так, здороваемся иногда, если встретимся, но не более.

Все оставшееся время ехали молча. Клим Пантелеевич то и дело доставал из кармана жестяную коробочку монпансье с надписью «Георг Ландрин», выбирал приглянувшуюся ему конфетку и отправлял в рот. Батюшка, сидевший сзади, отодвинулся от раскалившегося на жаре самовара и, разомлев на солнце, клевал носом. Унылый пейзаж, состоящий из известковых и сланцевых скал, особенной радости путешественникам не доставлял. Временами встречались почтовые станции – чапарханэ – со старомодными дилижансами и экипажами. Мотор обгонял длинные вереницы верблюжьих караванов и здоровенных мужчин, мирно едущих на низких осликах. Время тянулось медленно, как плывут облака в безветренную погоду.

Примерно на середине пути встретился автомобиль шведского консула, который, судя по кожаному шлему и очкам, сам управлял машиной. «Рено» стоял на обочине. Из-под капота валил белый дым.

Скандинав с удовольствием принял предложение Ардашева взять авто на буксир и дотащить до Тегерана. Дипломат был не один. Рядом с ним находился и его молчаливый персидский слуга. Он, в отличие от своего тщедушного хозяина с рыжими усами, казался великаном. Будучи чуть ли не саженого роста, лакей имел слегка надменный взгляд, который хоть и появлялся откуда-то исподлобья, но пронзал точно шпага.

Уже на подъезде к Тегерану открылись взору очертания Эльборусского хребта. Снежные шапки гор, поймав лучи заходящего солнца, отдавали розовым бликом. А самая большая из

них, за которой пряталось красное светило, напоминала собой огромный лампийон, рассеивающий теплый свет сквозь опускающиеся на землю лиловые сумерки, как через темную вуаль.

Фруктовые сады, окружавшие персидскую столицу, показались еще до наступления темноты. И зеленая листва, поймав карминный закат, казалась осенней.

Поравнявшись с резиденцией шведского консула, оба автомобиля остановились. Магнус Фредерик Хольм учтиво, с типично шведской сдержанностью, поблагодарил своего спасителя за помощь и выразил надежду еще раз встретиться с отзывчивым русским дипломатом.

IV

Клим Пантелеевич потянулся за чашкой кофе. Сделав два маленьких глотка, он поставил фенджану на стол. В памяти вновь всплыли воспоминания недавних событий.

...После злодейского и бессмысленно жестокого убийства в 1829 году полномочного министра при шахском дворе статского советника А.С. Грибоедова здание Русской императорской миссии было выстроено на новом месте.

Русский посол, тайный советник Хворостовец, происходивший из дворян Полтавской губернии, встретил Ардашева очень приветливо. Лысоватый, среднего роста господин пятидесяти двух лет с открытым и приветливым лицом, с густыми усами и бакенами без всяких условностей шагнул навстречу вновь прибывшему дипломату и протянул руку. С первого взгляда было понятно, что Клим Пантелеевич произвел на него благоприятное впечатление.

Надо признать, что статский советник выглядел безукоризненно: черный двубортный сюртук с бархатным воротником, обрамленный серебряными знаками с изображением двуглавого орла на венке из дубовых и лавровых листьев, двумя рядами серебряных пуговиц, брюки, жилетка-пике, белоснежная сорочка и черный шелковый галстук; фуражка с козырьком из черного сукна с вишневым выпушкой, которую он держал в руках, невысокие сапоги без шпор и шашка офицерского образца – в Персии носить такую дипломатам позволялось – ему особенно шли.

Да и сам посол статскому костюму предпочитал одежду из своего дипломатического гардероба. Его облачение отличалось от сюртука Ардашева лишь генеральским продольным шнуром, соответствующим званию тайного советника. После короткого рукопожатия он указал Ардашеву на кресло.

Усевшись, Клим Пантелеевич, вынул из бювара лист гербовой бумаги и протянул посланнику.

– Велено передать вам. Здесь, ваше превосходительство, указаны мои полномочия.

Хворостовец надел очки, прочел и, положив лист на стол, изрек:

– А по мне так и устного сообщения хватило бы. Ну да ладно, – он махнул рукой, – им, на Певческом мосту, видней... Стало быть, начнете расследовать убийство Раппа... Да-с, только непосвященному в теперешнюю персидскую действительность может показаться, что дело сие простое... Обстановка накаляется с каждым днем. Недавно напали на нашего вице-консула в Кянгавере. Господь смилостивился – надворный советник Еремеев чудом жив остался. А вот британского консула в Исфагани убили. Покойный англичанин был очень энергичен. Даже сумел перетянуть на свою сторону вождей двух местных племен. В случае войны они обещали не нападать на британцев. Туркам, да и немцам, это, естественно, не понравилось. В назмие⁴¹ объявили, что, мол, преступник пойман; злодей во всем сознался, но при попытке к бегству был застрелен. Им оказался какой-то нищий. Сдается мне, что бедолагу попросту приговорили стать «убийцей». Вот и с Генрихом Августовичем, уверен, не так все просто... Не спорю, деньги пропали немалые: полмиллиона рублей золотом и бумагами. Однако никогда еще русских дипломатов здесь не грабили. Убивали? Да, еще со времен Грибоедова. Но не грабили. Господин Рапп был очень осторожный человек и кого ни попадая в свой дом не впускал. А ведь Байков, когда ему надоело ждать, стал стучать в дверь и заглядывать в окна. Там и труп разглядел. А дверь полицейским пришлось взломать... Следовательно, получается, что убийца, уходя, дверь-то за собой замкнул, так? Вы согласны? – он воззрился на Ардашева.

– Безусловно.

– Вот и я про то же, – горестно вздохнул посол, – ничего не ясно. Ничего.

⁴¹ Назмие (перс.) – полиция (прим. авт.).

Помолчав немного, он осведомился:

– А позвольте узнать, какие у вас имеются соображения?

Статский советник пожал плечами.

– Пока самые общие. Во-первых, персы – народ богобоязненный. На такое преступление могут отважиться лишь самые отчаянные душегубы. Шариатский суд жесток. К нему призывали за века. И хоть теперь действует суд светский, но до сих пор на площадях палачи за первую кражу отрезают лотам⁴² палец до сустава, за вторую – рубят руку, а за третью – ногу; непокорным шаху отрезают носы, а особо неисправимым преступникам вспарывают животы. Я уж не говорю про битье бамбуковыми палками по пяткам. Ну и во-вторых, если представить, что они забрались каким-то образом вовнутрь, зарезали Раппа и вскрыли сейф, то, получив такую баснословную сумму, они, поверьте, бежали бы со всех ног и ни о каком ключе и не помышляли бы. А то ведь дверь входную замкнули. Стало быть, действовали обдуманно и, если хотите, дерзко.

– Вот-вот, именно, дерзко! Это вы точно подметили. Вы считаете, что это дело рук иностранцев?

– Вполне возможно. Но и местных жителей я бы не стал сбрасывать со счетов. Впрочем, не стоит мои рассуждения принимать всерьез. Это всего лишь дорожные раздумья, не больше.

– Что ж, вижу вам по силам любые ребусы и шарады. А их, мне кажется, здесь встретится немало. Да и не только в этом деле. К сожалению, день ото дня в Персии становится все тревожнее. События не ждут нас, а опережают...

Массивные напольные часы из красного дерева пробили десять раз. Они сделали это натужно и вяло, будто исполнение ежечасной обязанности им давно наскучило.

Посол поднялся и проговорил извинительным тоном:

– Простите, мне надобно навестить французского посланника.

Встал и Ардашев.

– И еще, – хозяин кабинета отвел глаза в сторону, – если вы планируете остановиться в посольстве, то я, к сожалению, смогу предложить вам только одну комнату.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, я привык жить анахоретом. Да и в городе делается невыносимо жарко. Я подыщу что-нибудь в Шах-Абдуль-Азиме.

– Лучше, пожалуй, в Зергенде, рядом с нашей летней резиденцией.

– Да, вы правы, там будет удобнее.

– Вот и прекрасно, – улыбнулся Иван Яковлевич, – будем соседями. Возьмите Байкова и «Форд». Пусть он покажет вам подходящие особняки. А вообще-то, если вам понадобится провожатый с автомобилем – не стесняйтесь, Митрофан Тимофеевич отныне в полном вашем распоряжении.

– Благодарю вас.

– А вы, замечу, хорошо знаете Персию.

– Я служил здесь, почти десять лет назад.

– Да-да, мне что-то об этом говорили. Вы подали в отставку и вновь вернулись...

– Что поделаешь. Как сказал один восточный мудрец: «Не вышло, как мне хотелось, а вышло, как Бог захотел».

– А вы весьма интересный собеседник. Я, знаете ли, люблю умных людей. Их на земле меньшинство. И потому они обречены коротать большую часть своей жизни в окружении дураков. Грустно, согласитесь. Заходите ко мне во всякое время, когда пожелаете. Честь имею кланяться, Клим Пантелеевич.

– Честь имею, ваше превосходительство.

⁴² Лот (перс.) – вор (прим. авт.).

Покинув посла, Клим Пантелеевич вернулся в комнату и с удовольствием переоделся все в тот же светлый костюм, в котором приехал. Шляпа и трость для него были более привычны, чем офицерская фуражка и шашка. По тогдашнему правилу парадный мундир дипломаты не были обязаны носить ежедневно. Это касалось лишь особых случаев, к которым, безусловно, относилось и представление вышестоящему начальству.

Оставшееся до конца дня время ушло на поиски дома. И в этом Байков оказал статскому советнику неоценимую услугу. Не успело небо озариться последними кроваво-красными всполохами, как подходящее пристанище нашлось. Им оказался (небольшой по российским меркам и огромный по местным) пятикомнатный каменный дом в Зергенде с источником воды, именуемым здесь «мерхеном» (бассейном), садом и верандой.

Так же быстро вездесущий драгоман подыскал Климу Пантелеевичу лакея по имени Ферох. Это был невысокий смуглый тридцатитрехлетний брюнет с хитрыми глазами, редкими усами и клиновидной бородкой. Издалека его можно было бы принять за подростка. Он, как и большинство персов, отличался словоохотливостью и, улыбаясь при каждом удобном случае, называл Ардашева «сааб»⁴³. В этот момент его радостное лицо со сросшимися на переносице бровями и прямым носом напоминало гасанабадский⁴⁴ арбуз. Представляясь Ардашеву, Ферох с гордостью заявил, что у него шестеро детей и красавица агди (законная жена); не преминул также упомянуть о том, что за последние лет десять он сделал головокружительную карьеру от продавца айрана и мохаллеля⁴⁵ до письмоводителя у нотариуса и даже газетного репортера. Хотя по его худощавости было видно, что ни одно из названных занятий не принесло ему сытой и спокойной жизни. О России он почти ничего не знал, за исключением того, что русские дамы, как и все европейки, не только ходят с открытыми лицами, но даже не закрывают руки и лодыжки, а иногда выставляют напоказ – о, прости, Пророк! – вырез на груди. При этих словах он закрывал глаза и мечтательно, будто собирался кушать шоле-зард⁴⁶, проводил языком по губам. Ферох носил кола⁴⁷, коричневый ситцевый кафтан с узорным поясом, служившим одновременно и карманами, шальвары и серые гиве. Он приходил утром и уходил вечером, если, конечно, у Ардашева подолгу не засиживались гости. А такое иногда случалось.

Первым статскому советнику нанес визит военный агент Кукота. О появлении русского серхенга⁴⁸ Ферох доложил шепотом и передал визитную карточку.

– Проси, – велел Ардашев.

В дверях, как в картинной раме, возник подтянутый офицер лет сорока. Его внешность напоминала дамского угодника из нашумевшей фильма «Жених по объявлению»: тонкие аккуратные усики пирамидкой, черные пронзительные глаза, прямой, слегка длинноватый нос, который совсем его не портил, волевой подбородок и зачесанные назад слегка набриолиненные волосы. В левой руке он держал два бумажных кулька.

Улыбаясь, полковник представился:

– Кукота Корней Ильич.

– Ардашев Клим Пантелеевич.

– А я с гостинцем. Как говорят на Востоке: с пустыми руками в чужой дом не ходят.

– Благодарю.

Клим Пантелеевич вынул бутылку араки и виноград с персиками.

⁴³ Сааб (*перс.*) – господин, хозяин; применяется по отношению к иностранцу (*прим. авт.*).

⁴⁴ Гасанабад – город южнее Тегерана (*прим. авт.*).

⁴⁵ Мохаллель (*перс.*) – «посредник», лицо, вступающее за деньги во временный брак с разведенной женщиной для того, чтобы она после развода с ним могла по законам шариата вернуться к своему прежнему мужу (*прим. авт.*).

⁴⁶ Шоле-зард (*перс.*) – шафрановый пудинг, сладкий десерт; подается в горячем и в холодном виде (*прим. авт.*).

⁴⁷ Кола (*перс.*) – национальный головной убор в виде цилиндрической трапецевидной шапки, чем-то напоминающей папаху, но более высокий (*прим. авт.*).

⁴⁸ Серхенг (*перс.*) – полковник (*прим. авт.*).

– Как вы изволили убедиться из моей карточки, я прозябаю здесь в качестве военного агента. Страна – дрянь, людишки – плуты и воры, жара аспидская, скука и почти полное отсутствие нормального женского общества. Словом, ссылка. А тут известие: из столицы прибыл новый дипломат! И как же после этого не зайти, не познакомиться со счастливым, едавшим недавно «шансонеточку с гарниром» у «Кюба»? Согласитесь – грех!

– А вот этого блюда, Корней Ильич, признаюсь, мне так откушать и не довелось, – развел руками статский советник. – Недосуг было. А может, пройдем на веранду? Там не так душно.

– С удовольствием.

Дав указание лакею, Ардашев проводил гостя на айван.

Усаживаясь в плетеное кресло, полковник расстегнул верхнюю пуговицу белого кителя, положил на соседний стул фуражку и, оглядевшись, сказал:

– А у вас здесь хорошо. И дом большой, и даже бассейн мрамором выложен.

– Не хватает только фонтана, – улыбнулся Ардашев. – Как насчет коньяка?

– Не откажусь.

Помолчав немного, гость бросил внимательный взгляд на собеседника и как-бы мимо-летом проронил:

– А вы, позвольте узнать, в каком качестве прибыли?

– Провожу расследование по факту убийства коллежского советника Раппа.

– Странно.

– Простите?

– А что тут расследовать? Все ясно: деньги пропали, а в арыке напротив дома местная полиция отыскала зира-бук⁴⁹, которым душегубы и перерезали несчастному горло. Это почерк магометанских фанатиков.

– Вы считаете, что преступников было несколько?

– А как же! Ни у вас, ни у меня в одиночку не хватило бы сил справиться с Генрихом Августовичем. А вы поговорите с нашим доктором. Он, по-моему, успел осмотреть труп еще до того, как его увезли.

Появился Ферох с подносом. На столе выросла откупоренная бутылка араки, хамаданские персики, виноград тибризи, порезанные дольками наринжи⁵⁰, плитка шоколада «Эйнем» и коньяк.

– Господи! Настоящий «Мартель»! А шоколад? Как вы умудряетесь сохранять его при такой жаре?

– А это все Ферох. Он держит его в погребе.

Ардашев наполнил рюмки и сказал:

– Ну что ж, предлагаю выпить за знакомство!

– Отличный тост!

Полковник причмокнул от удовольствия, закусил кислым апельсином, сморщился и, поймав на себе взгляд статского советника, проговорил:

– Примерно так реагируют на нас европейцы, когда русский медведь вылезает из берлоги и оглядывается по сторонам.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен. Нас не столько боятся, сколько опасаются. Кто знает, что можно ожидать от страны, где царит культ водки, кнута и православия. Где интеллигенция умиляется Достоевским, Толстым и Чеховым, а государь внимает советам неотесанного сибирского конокрада и прелюбодея. Парадокс, не правда ли? Мы говорим на разных языках, молимся разным богам, а клянемся в преданности одному-единственному императору. Россия – огромный

⁴⁹ Зира-бук – однолезвийный персидский кинжал с прямым клинком (прим. авт.).

⁵⁰ Наринж (перс.) – дикий горький апельсин (прим. авт.).

Вавилон! Мы более азиаты, чем европейцы; мы ленивы и неповоротливы. Наши поступки не поддаются логике. И никакие, даже самые прозорливые, умы не в состоянии предсказать, что завтра предпримет эта дикая страна, когда в очередной раз протрет заспанные глаза. И от этого господам, живущим по обе стороны Атлантического океана, становится не по себе. Мы в их понимании сродни смерчу, землетрясению, извержению вулкана, которые могут в один миг снести города и целые народы – словом, все, что встретится на пути.

Ардашев слушал полковника с вежливым участием.

Военный агент закинул ногу на ногу, достал из серебряного портсигара папиросу и с удовольствием затянулся. Выпустив струйку дыма, он продолжил:

– Знаете, я давно болтаюсь за границей и неплохо научился понимать этих немцев, французов, англичан... Они привыкли к спокойной, сытой и культурной жизни: цветник перед домом, мощеные дороги и ухоженные парки. Даже господин Шаляпин восхищался, что в Париже тротуары моют с мылом. А я в этом не вижу ничего удивительного. Предки сегодняшних Пьеров, Огюстов и Жанов веками строили здание своей государственности. Летели головы монархов, день и ночь работала гильотина, поднимались и умирлялись голодные бунты. Но теперь-то все хорошо. И даже очень. Законы действуют, крестьяне богатеют, рабочие живут лучше наших инженеров. А тут, на границе, маячит несметное полчище бородатых азиатов, завистливо поглядывающих через забор на соседей. Да-да, тех самых казаков, которые столетие назад носились на лошадях по Монмартру нагишом, приводя в трепет даже французских проституток. И этот страх нелицемерный. Вот и крутится в их мозгу мыслишка: «А может, покончить с Россией сейчас, пока она еще не так сильна и образованна?» И это есть начало первого акта трагедии, которая вот-вот разразится. Осталось только поднять занавес. Но что будет потом – никому не известно. Пострадать могут и зрители, и сам постановщик пьесы.

– Вы правы, – согласился Ардашев. – По-моему, счет пошел на дни. И войны не избежать.

– Вот-вот, – кивнул полковник. – И потому у меня к вам, как к патриоту и истинно русскому человеку, просьба: не могли бы вы держать меня в курсе производимого вами расследования? Вас это ни к чему не обяжет, а мне поможет глубже вникнуть в суть происходящих здесь вещей. Не откажете в любезности?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Клим Пантелеевич. – Не вижу в этом ничего предосудительного. Правда, есть у меня одно правило, которое я никогда не нарушаю: я не делюсь догадками. Другое дело – факты. Их я не собираюсь от вас скрывать. Но тогда и вы должны быть со мной откровенны, не так ли?

– Несомненно. А как же иначе? – обрадовался полковник. – Приятно разговаривать с умным человеком.

Кукота с довольным видом допил остатки коньяка и поставил рюмку на стол.

– В таком случае, Корней Ильич, у меня есть к вам вопрос, так или иначе связанный с предметом моего расследования. Я, как вы понимаете, обязан составить полный список лиц, знавших о передаче денег Раппу купцом Веретенниковым. Насколько мне известно, покойный Генрих Августович познакомился с негоциантом во время визита в Казвин, еще за месяц до своей гибели. А за два дня до убийства Веретенников передал Раппу сумму в полмиллиона золотых рублей. И в тот же день вы тайно встречались с консулом Казвина на мейдане в Тегеране. И тому есть свидетели. Но Святослав Матвеевич отчего-то не хочет сей факт признавать. К сожалению, он не понимает, что, отрицая его, невольно навлекает на себя пока еще неясные, но все-таки подозрения. И тень этого недоверия одновременно ложится на вас. Однако я надеюсь, что вы проявите благоразумие и откровенность. – Ардашев сделал паузу и, устремив на своего визави тяжелый взгляд, спросил: – Извольте пояснить, с какой целью вы виделись с господином Красноцветовым на базаре 20 июня?

Кукота молча разлил коньяк и выпил свою рюмку; закусив шоколадкой, подкурил новую папиросу. Пуская дым, он откинулся в кресле и заметил:

– А вы умеете работать: здесь всего несколько дней, а уже обзавелись осведомителями. Похвально. Случаем, в жандармерии никогда не служили?

– Бог миловал, – усмехнулся Ардашев.

Будто вспомнив о чем-то, военный агент щелкнул крышкой карманных часов и, вставая, изрек:

– Вы уж простите меня великодушно, Клим Пантелеевич, но мне пора. Совсем запамятовал, срочная встреча.

– Однако мой вопрос так и остался без ответа. Надеюсь, вы найдете время закончить наш разговор.

– Да-да, несомненно, – неохотно пообещал Кукота и в сопровождении хозяина зашагал к калитке.

На улице, увидев проезжающего свободного сурчи, он остановил его. И тут же, обернувшись к Ардашеву, проронил:

– Честь имею.

– Честь имею, Корней Ильич.

Забравшись на сиденье, полковник что-то сказал извозчику на фарси, и пегая лошадка потрусилась по тегеранской дороге. В воздухе повис табачный дым, плывущий невесомой хлопчатой ватой. Постепенно он слился с пыльным облаком, превратившимся в серое пятно, которое скоро становилось все меньше и меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.